
Михаил СИНЕЛЬНИКОВ

ДЕВЯТНАДЦАТОЕ НОЯБРЯ

Сонный день деревьев голых
Безучастен и безлиц.
Кучи листьев — ветер взмел их,
Утро каркающих птиц.

День зловещий скорпионий,
И тогда таким он был.
Разве только обреченной
Средь прославленных могил.

В лавре Александро-Невской,
Где усопшие сильны,
В бесовщине Достоевской
Был роддом после войны.

Вот, поправивши пеленку,
Понесли меня волхвы,
И летит еще вдогонку
Ветер лавры и Невы.

ХОЛОДНО, ГОЛОДНО

Что-то в каморке скрипело,
Дряхлая бабка зимой
«Холодно, голодно... — пела, —
Холодно, голодно, ой!»

Песенку ныла все ту же,
Тот же назойливый стих,
Вышедший в сырость из стужи,
Из голодовок былых.

Михаил Синельников родился в 1946 году в Ленинграде. Ранние годы провел в Средней Азии. Живет в Москве. Автор 30 поэтических сборников, сотен статей о поэзии, переводчик классической и современной поэзии Востока, составитель многих хрестоматий и антологических сборников. Стихи переведены на многие языки, отдельными книгами вышли в Черногории, Румынии, Японии и Турции. Академик РАЕН и Петровской академии, лауреат премии Бунина, премии Дельвига, премии Арсения и Андрея Тарковских, Государственной премии Таджикистана имени Рудаки и многих других отечественных и зарубежных премий.

Но и при старом режиме
Было не сахар, пойми!
Тяжко в ночлежке с чужими,
Тягостно в людях, с людьми.

Ты бы — швея и прислуга —
В жизни была и другой,
Где петербургская вьюга
За ленинградской пургой.

Там заблудился Некрасов
В шубе на рыбьем меху
И, отощав без припасов,
Приноровился к стиху.

Малость в трактире согретый,
Ходит сюда не впервой,
Чтоб, заслонившись газетой,
Ситник глотать даровой.

* * *

А. А. А.

К ней привязан еще и особо,
Ведь ее подневольный Ташкент,
Край кочевника и хлопкороба, —
Область былей моих и легенд.

Возвращаясь туда беспрестанно,
Я ль не знаю, той пылью повит,
Как сухая жара Туркестана
Истязает и душу целит!

Звездным небом и людным базаром
Все придавлено детство мое
И овевяно тем же угаром,
Удушая, спасавшим ее.

* * *

Родители и прародители
Внесли в лицо свои черты.
Попробуй всех узнай, и выдели,
И вызови из темноты!

Мой сон — о барине и ратае,
Купце, кочевнике, писце...
Дорога им далековатая,
И я стою в ее конце.

Прошли бы предки вереницею,
Такому отпрыску дивясь!
И только с бабкой-кружевницею
Все чаще ощущаю связь.

Нет сил для вымысла досужего.
Упорней с некоторых пор
За жизнью жизнь вплетаю в кружево,
Всю пряжу дней ввожу в узор.

ГОЛОСА

Уже давно живешь не с нами,
Лишь иногда взрываешь тишь,
Звенишь своими голосами,
По телефону говоришь.

И осуждающе надменен
Обычный голос, а другой
В своей тревоге безвременен,
Овеян жизнью и пургой.

Такой он жалобный и шаткий,
Дрожащий, детский, словно ты
Проснулась и кричишь в кровати,
Перепугавшись темноты.

* * *

Гусь Железный, Гусь Хрустальный...
Карту осень занесла
Стариной многострадальной,
Корнесловьем ремесла.

Вот и время листопада,
Подступают холода,
И одна тебе отрада —
Мир смиренного труда.

От забот и пересудов,
Рассыпающихся строк,
Может быть, собраться в Чудов,
В дивный город-городок.

Наклонилась над фарфором
Там художница одна,
И любит узором,
И сама изумлена.

И выводит легкой кистью
Чье-то имя наугад,
И алеющие листья
Сквозь столетия летят.

* * *

В потемках душных караван-сарая,
Как будто бы в аду или в раю,
Рассказывал бродяга, умирая,
Случайному соседу жизнь свою.

Нет встреч случайных, есть судьбы причуды!
Теперь обязан слушатель нести
Завет Христа, или ученье Будды,
Иль только мысль, возникшую в пути.

В каком еще мне ночевать отеле?
Чьим попеченьем взыскан и храним?
Все говорю с неведомым доселе,
Невидимым читателем моим.